

Политические настроения крестьянства Приенисейского региона в конце 1920-х – начале 1930-х гг.: на материалах окружных комитетов ВКП (б) Сибирского края

Л.Е. Мариненко^а, Е.А. Григорьева^б, А.С. Кузьменко^с

Сибирский федеральный университет, пр. Свободный, 79, Красноярск, Россия

^а lmarinenko@sfu-kras.ru, ^б arvenka@mail.ru, ^с askuzmenko@sfu-kras.ru

^а <https://orcid.org/0000-0003-2385-2567>, ^б <https://orcid.org/0000-0002-8242-1452>,

^с <https://orcid.org/0000-0002-0362-2126>

Статья поступила 15.09.2025, принята 29.09.2025

В статье представлены результаты анализа архивных фондов, содержащих документы о политических настроениях крестьянства Приенисейского региона на рубеже 1920–1930-х гг. Введены в научный оборот архивные документы окружных комитетов ВКП (б) четырёх округов Сибирского края, находящиеся на хранении в Государственном архиве Красноярского края. Архивные документы содержат письма крестьян, информационные сводки о политических настроениях сельского населения, докладные записки органов исполнительной власти о ходе коллективизации, в том числе конкретные высказывания жителей сельских поселений о власти, политических процессах в стране в целом и аграрной политике в частности. Изучение материалов данных архивных фондов позволяет внести вклад в процесс комплексного исследования факторов, оказывающих влияние на трансформацию массового политического крестьянского сознания в период сплошной коллективизации. Сформулирован вывод о том, что в крестьянской среде получили распространение такие тенденции, как дифференцированное отношение к местному и высшему руководству страны, персонификация власти. Часть крестьян демонстрировала доверие и уважение к представителям высшего партийного руководства. В то время как другая часть жителей деревни активно критиковала советскую власть в целом, отождествляя её политику с гнётом самодержавия и колчаковщины. Выявлено критически-негативное отношение значительной части крестьян к аграрной государственной политике данного периода, что было обусловлено как содержанием самой политики, резко ухудшившей уровень и качество жизни сельского населения, так и принудительными методами её проведения. Протестные настроения сельского населения в период коллективизации выражались в активных и пассивных формах.

Ключевые слова: политические настроения крестьян; крестьянство Приенисейского региона; коллективизация в Сибири; аграрная политика; массовое политическое сознание.

Socio-political sentiments of the peasantry of the Yenisei region in the late 1920s and early 1930s: based on the materials of the district committees of the CPSU (b) of the Siberian territory

L.E. Marinenko^а, E.A. Grigoryeva^б, A.S. Kuzmenko^с

Siberian Federal University, 79 Svobodny Ave., Krasnoyarsk, Russia

^а lmarinenko@sfu-kras.ru, ^б arvenka@mail.ru, ^с askuzmenko@sfu-kras.ru

^а <https://orcid.org/0000-0003-2385-2567>, ^б <https://orcid.org/0000-0002-8242-1452>,

^с <https://orcid.org/0000-0002-0362-2126>

Received 15.09.2025, accepted 29.09.2025

The article presents the results of an analysis of archival funds containing documents on the political sentiments of the peasantry of the Yenisei region at the turn of the 1920s and 1930s. Archival documents of the district committees of the CPSU (b) of four districts of the Siberian territory, which are kept in the State Archive of the Krasnoyarsk territory, have been put into scientific circulation. The archival documents contain letters from peasants, information reports on the political sentiments of the rural population, memos from executive authorities on the progress of collectivization, including specific statements from residents of rural settlements about the government, political processes in the country in general, and agrarian policy in particular. The study of the materials from these archival collections makes it possible to contribute to the process of a comprehensive study of the factors influencing the transformation of mass political peasant consciousness during the period of continuous collectivization. The conclusion is formulated that such trends as a differentiated attitude towards the local and top leadership of the country, and the personification of power became widespread among the peasant community. Some of the peasants retained their trust and respect for the representatives of the top party leadership while another part of the villagers actively criticized the Soviet government as a whole, identifying its policy with the oppression of the autocracy and Kolchakism. The critically negative attitude of a significant part of the peasants towards the agrarian state policy of this period is revealed, which was due both to the content of the policy itself, which sharply worsened the standard and quality of life of the

rural population, and to forced methods of its implementation. The protest sentiments of the rural population during the period of collectivization were expressed in active and passive forms.

Keywords: socio-political sentiments of the peasants; the peasantry of Yenisei region; collectivization in Siberia; agrarian policy; mass political consciousness.

Введение. В настоящее время проблематика антропологического измерения истории сохраняет актуальность. Значительное количество исследований, в том числе полидисциплинарного характера, посвящено проблемам изменения массового сознания в различных исторических условиях. Изучение данного спектра вопросов предполагает анализ широкого круга источников, в том числе в первую очередь тех, которые содержат отклики населения о повседневных практиках и нововведениях в их повседневной жизни, событиях в стране и мире. В состав этой группы источников входят материалы разнопланового характера: документы личного происхождения, документы органов государственной власти, где зафиксированы высказывания населения (от политических сводок репрессивно-карательных органов до отчётных документов руководства разных уровней государственной власти). Введение в научный оборот документов данной группы источников позволяет изучить процесс трансформации общественного сознания, вносит существенный вклад в комплексное исследование проблемы изменения массового политического крестьянского сознания в период сталинской модернизации.

Источниковая база исследования. В научной статье использованы материалы фондов окружных комитетов ВКП (б) Сибирского края, находящихся на хранении в Государственном архиве Красноярского края. В указанных фондах находятся документы, содержащие информацию о политических взглядах, ожиданиях и поведении крестьян: документы официального характера (информационные сводки о политических настроениях сельского населения, докладные записки органов исполнительной власти о ходе коллективизации, заявления крестьян о выходе из колхозов), документы личного происхождения (письма крестьян). В материалах фондов зафиксированы высказывания сельского населения в процессе бесед друг с другом, на собраниях и других массовых мероприятиях. Также имеются тексты листовок и прокламаций, которые распространялись по деревням в период коллективизации. Отложились там и письма крестьян членам семьи, жалобы партийному руководству, заявления крестьян о выходе из колхозов. В фондах содержатся аналитические материалы местного руководства по вопросам колхозного строительства и пропаганды. При работе над статьей были использованы материалы фондов Красноярского, Ачинского, Канского и Минусинского окружных комитетов ВКП(б) за 1925–1930 гг.

Постановка целей. Целью данной статьи является исследование политических настроений крестьянства Приенисейского региона в конце 1920-х- начале 1930-х гг. При работе над научной статьей была использована терминология, предложенная А.Ю. Станевич, которая раскрывает содержание понятия политическое настроение как динамическую форму массового политического сознания, формирующуюся главным образом под

воздействием трансформационных факторов, включающую в себя положение человека в обществе, его вовлечённость в политические процессы, отражает удовлетворённость или неудовлетворённость событиями политической жизни, их оценку в соответствии со своим жизненным опытом и определяет способность к политически значимому действию в зависимости от фазы своего развития [1].

Обсуждение. В первые десятилетия советской власти в условиях изменения общественного строя происходила трансформация массового политического крестьянского сознания. Под воздействием государственной политики, активной пропагандистской деятельности советских социальных институтов разрушалась система традиционных ценностей крестьянской жизни, постепенно формировался новый тип мировоззрения советского человека. Как справедливо отметил И.С. Кузнецов: «изменить глубинные психологические установки и представления крестьян, устранить влияние прежних политических традиций было невозможно в короткие исторические сроки» [2], поэтому процесс этот растянулся на десятилетия.

В условиях низкого уровня политической грамотности у сельских граждан СССР подобная трансформация приобретала причудливые формы, сочетая, казалось бы, несовместимые на первый взгляд элементы, где были объединены религиозные, патриархальные, коммунистические взгляды в единую мировоззренческую концепцию. Она стала основой для понимания сельским населением сущности курса внутренней политики государства.

В отчётах окружных комитетов ВКП (б) о партийно-массовой работе среди населения нашли отражение многочисленные факты, что сельские жители имеют весьма поверхностное представление о том какие органы власти сформировались в стране, какие должности занимает высшее руководство страны, с какими причинами связаны те или иные политические события. Местные руководители – авторы отчётов, объясняли данную тенденцию низким уровнем грамотности, нежеланием граждан повышать свой образовательный уровень, отсутствием интереса к политической сфере в среде крестьянства. В качестве примера приведём одно из типичных высказываний, в беседе с односельчанами крестьянин Канского района так рассуждал о необходимости проведения коллективизации: «Коллективизация нам нужна, мы все должны как один идти, ведь мы строим социализм. Война неизбежна, как сказано в писании нашего учителя Маркса, если не сейчас, то через год-два рабочий класс победит» [3]. А вот пример трактовки содержания статьи И.В. Сталина «Головокружение от успехов» [4] жителем д. Волынка Боготольского района: «Вы что навязались со своей коллективизацией, у самого Сталина от неё голова закружилась, даже он не может сделать ничего» [5].

Справедливости ради следует отметить, что не все сельские жители демонстрировали пассивное отношение к общественно-политической жизни, в сельских поселениях шло формирование нового слоя сельских активистов, которые принимали деятельное участие в пропагандистских кампаниях и мероприятиях в деревне, интересовались политическими событиями, читали газеты, стремились расширить свой кругозор. Преимущественно это были представители молодого поколения [6].

В крестьянской среде восприятие государственной власти дифференцировалось в зависимости от её уровня, отношение к местному руководству преимущественно было критически-негативным, это было связано с недовольством населения как содержанием аграрной политики 1930-х гг., так и методами реализации данной политики со стороны конкретных представителей партийного начальства. Описывая осуществление коллективизации, крестьяне Енисейской Сибири жаловались: «...К нам приехал районный руководитель по вопросам коллективизации и на собрании сказал: кто не пойдет в коллектив, тот отходи в сторону, я арестую и уведу», «руководство на собрании сказала, что если кто не пойдет в колхоз, то будем арестовывать» [7].

По данным информационных сводок о ходе коллективизации некоторые сельские жители отождествляли деятельность местных руководителей в ходе сплошной коллективизации с политикой так называемых антисоветских элементов: буржуазии, помещиков, белогвардейцев, указывая на то, что и те и другие проводят политику не в интересах народа. В докладных записках окружных комитетов ВКП (б) о политических настроениях сельского населения округов часто встречаются упоминания о том, что деятельность высшего партийного руководства оценивается населением зачастую положительно, а районное руководство подвергается критике. Анализ документов архивных фондов ГАКК позволяет сделать вывод о том, что часть населения доверяла советской власти в целом и в то же время считала, что в регионах во властные структуры внедрились враги народа (белые, буржуазия). Так, на собрании в деревне Глиной Тасеевского района крестьяне, критикуя местное руководство, высказывали мнение, что на местах «наверное, не советская власть командует, а белые засели, вот они нас и жмут» [8]. Истоки подобных рассуждений, вероятно, связаны с одной стороны с сохранением в традиционном крестьянском сознании политического мифа с «верой в доброго царя», где все негативные стороны реализации правительственной политики объяснялись злоупотреблениями местных властей. Именно поэтому из крестьянской среды шел постоянный поток писем к высшему партийному руководству с просьбой помочь в трудной ситуации, много было жалоб на местных активистов, уполномоченных, членов сельсовета. Можно предположить, что тяга к авторитету была обусловлена низким уровнем политической грамотности населения, о чём мы писали выше, а также феноменом персонификации власти, где государственная власть отождествлялась с отдельными руководителями партии, которые в массовом сознании под воздействием советской пропаганды трансформировались в образ мудрого вождя.

А с другой стороны мощная пропагандистская кампания по выявлению шпионов, вредителей и прочих антисоветских элементов подкрепляла уверенность населения в том, что недобросовестные, злонамеренные действия местных руководителей и есть причина трудностей рядовых советских граждан. Целенаправленная политика высшего руководства в этом направлении способствовала закреплению данного стереотипа в сознании людей. Ярким подтверждением тому является позиция крестьян в вопросах коллективизации после публикации статьи И.В. Сталина «Головокружение от успехов». В одном из писем сельского жителя, датированного 1930 г. о настроениях крестьян в деревнях Канского округа говорилось: «Живём мы пока хорошо, колхозы все как один развалились, скотину всю развели по своим дворам, теперь будем делить коней и семенной фонд... Теперь славим бога и приносим благодарность Сталину, потому что он написал в газету, что принуждения нет, по этой газете все вышли из колхоза и хотят сделать бабы пировку в честь Сталина» [9]. В деревне Кулун Ужурского района бедняки после ознакомления с вышеуказанной статьей высказывали суждение, что «Сталин все же встал за крестьян, протягивает местную власть, да и уполномоченных РИКа за то, что они насильно гнали в колхозы, за это Сталин ругает всех» [10]. Местное руководство отмечало, что подобные настроения получили широкое распространение среди крестьян и многие из них после публикации статьи И.В. Сталина вышли из колхозов. Один из районных руководителей метко охарактеризовал сложившуюся ситуацию: «статья Сталина испортила нам всё дело, попробуй теперь сказать что-нибудь мужику, он посылает к чёрту, говоря, что Сталин правильно пишет, а вы творите безобразия» [11]. Эту тенденцию подтверждают и документы официального характера. Так, согласно информационной сводке о ходе коллективизации окружного комитета ВКП (б) в Красноярском округе, в апреле 1930 г. во многих районах округа происходил массовый отток крестьян из колхозов, в Большемуртинском районе из отдельных колхозов вышло от 68 до 100 % хозяйств. В Ачинском округе процент коллективизации в начале 1930 г. доходил до 38 %, а к 15 июня 1930 г. в колхозах осталось лишь 14 % хозяйств. В Канском округе районное руководство сообщало: «после появления в печати статьи Сталина в отдельных коммунах и колхозах, особенно где коллективизация была проведена голым администрированием, крестьяне стали самовольно забирать скот и сельхозинвентарь. Можно отметить, что почти каждый крестьянин имеет газету со статьей Сталина и при толковании по вопросу коллективизации ссылается на неё... По Абанскому району с 20 по 25 марта из колхозов и коммун вышло 152 хозяйства, по Ирбейскому району 119 хозяйств, по Тасеевскому району 53 хозяйства» [12].

Однако следует отметить неоднородность настроений населения в этом вопросе, в то время как одна часть крестьянства демонстрировала доверие к руководству страны, у другой части сельских жителей данного региона негативное отношение к аграрной политике и проявлениям социальной несправедливости просеивалось и на советское партийное руководство

в целом. В документах окружных комитетов ВКП (б), содержащих информационные сводки органов государственной власти о настроениях крестьян, имеются многочисленные факты критики населением советской власти за аграрную политику, противоречащую интересам крестьян. Вот лишь некоторые из подобных высказываний: «Советская власть взялась с мужика шкуру драть. Последний хлеб у крестьян выгребают, оставляют мужика совсем голодным. Ждали мы советскую власть, думали, хорошо будет, а вышла не власть, а грабилька» [13]. В ряде высказываний отмечается критично-скептическое отношение крестьян к достижениям Советской власти: например, в письме жителя деревни Луково Уярского района, присланного в газету «Красноярский рабочий» говорилось: «Я крестьянин вышел из терпения, что всё дело неправильно... Почему власть советская мучит крестьян как бывшая панщина и нисколько не отличается. Вот на словах говорить хорошо, а на деле ничего не делаете. Говорите, что кто работает – тот должен есть, а на самом деле есть обожда, потому что государству хлеб нужен. Да ведь и мы государство. Я себе представляю, что это издевательство над крестьянством... И так я скажу, что не было нашей власти, да и эта не наша. Только и привыкли что хвалиться, что много делаете, а дела вашего вовсе не видеть...» [14].

В политических сводках окружных комитетов ВКП (б) зафиксировано значительное количество откликов сельских граждан, которые ранее поддерживали советскую власть, но в период коллективизации резко изменили своё отношение как к отдельным мероприятиям государственной политике, так и к правительству в целом. Следует обратить внимание, что критическое отношение к государственной власти в 1930-е гг. отмечается и в среде красных партизан, бедняков и батраков, а ведь именно эти слои населения в 1920-е гг. были опорой большевиков в деревне. Приведём в качестве примера высказывание одного из красных партизан Нижне-Удинского района: «Мы завоевали советскую власть, а теперь сидим с семейством без хлеба и не знаем где его взять. Посмотришь на голодных ребятишек, загрызёт у тебя на сердце и думаешь, за что же я воевал» [15].

В своих рассуждениях крестьяне зачастую проводили сравнение царской и советской власти, политики белого движения и большевиков, считая, что и та и другая власть угнетает крестьян. Вот лишь некоторые высказывания сельских жителей на эту тему: «были батраками у царя, а теперь у советской власти» [16], «вот раньше было крепостное право, издевались над мужиком помещики, а разве сейчас не такое же время, тоже ведь крепостное право, заставляют работать силой и почему-то никто не осмелится слова против сказать. Мне даже чудно как это власть держится, где не послушаешь советскую власть ругают, а все-таки ей подчиняются» [17], «это не власть, а насилие хуже всякой колчаковщины, заставляя даром работать» [18].

Отдельно следует остановиться на вопросе отношения крестьян к политике коллективизации и колхозной системе. Часть документов фондов окружных комитетов ВКП (б) включают в себя докладные записки и информационные сводки о ходе коллективизации, где

зафиксированы высказывания крестьян по данному вопросу. Материалы архивных документов свидетельствуют о преимущественно негативном восприятии сельским населением этих мероприятий. Несмотря на то, что крестьяне имели значительный исторический опыт коллективного труда, колхозная система хозяйствования их не устраивала по нескольким причинам. Во-первых, система организации труда представлялась крестьянам неэффективной, в результате чего неизбежно было сокращение объёма произведённой сельскохозяйственной продукции, а значит негативно сказывалось на материальном достатке населения. В отчетах районного руководства говорилось о том, что «...вновь созданные коллективные хозяйства отличались неорганизованностью», «...многие колхозы к практической работе не приступили, производственные планы не составлены. Крестьяне шатаются ничего не делая, так как своё имущество, сельскохозяйственный инвентарь и прочее уже обобществили. И видя, что никакой работы не дают, заражаются неверием в производственный порядок колхозов. Имеются рассуждения, что если в колхозе будем, то и четверть десятины при таких порядках не посеем» [19]. Аналогичная информация содержится и в материалах заявлений крестьян о причинах выхода из колхоза, вот одно из них: «Прошу вас, члены правления, исключить меня из списка коллектива ввиду того, что я не нахожу быть нужным в колхозе, где нет никакого порядка. Если повашему вести хозяйство, то мне не хватит прокормить своё семейство» [20].

Во-вторых, отсутствие достаточного материального вознаграждения за труд. Новая система оплаты труда на основе принципа трудодней ни в коей мере не обеспечивала материальные потребности крестьян. В документах имеются массовые жалобы крестьян на тяжёлое материальное положение, голод [21].

В-третьих, отсутствие самостоятельности в решении хозяйственных вопросов в колхозах. Зажиточная часть крестьянства привыкла самостоятельно планировать объём и сроки сельскохозяйственных работ с учётом своих интересов. В колхозах же трудовая деятельность строго регламентировалась. По этому поводу крестьяне рассуждали примерно так: «При единоличном хозяйстве я собственник. Распоряжаюсь сам собой, а в колхозе есть дисциплина. В единоличном хозяйстве сегодня работаю, завтра отдыхаю, а в колхозе предлагают сегодня отдыхать, а завтра работать» [22].

В-четвёртых, методы проведения коллективизации вызвали протест сельского населения. Местные руководители, стремясь выполнить плановые показатели коллективизации, насильно загоняли крестьян в колхозы.

Недовольство аграрной политикой 1930-х гг. у сельского населения региона выражалось в активных и пассивных формах. Активными формами протеста крестьян являлись стихийные митинги, организация восстаний, подстрекательство к сопротивлению властям, расклеивание листовок антиправительственного содержания с призывами к вооружённой борьбе [23]. В информационных сводках окружных комитетов ВКП (б) в указанный период есть сведения о формировании вооружённых групп крестьян, которые планировали восстания против существующей власти [24]. В некоторых

населённых пунктах региона крестьяне оказывали силовое сопротивление проведению государственных мероприятий. Так, в Ачинском округе при отгрузке семян для западных регионов Сибири толпа крестьян в несколько сотен человек набросилась на местное руководство, избивли членов сельсовета, пытаясь помешать отгрузке продукции [25].

В деревне в условиях коллективизации активно распространялись слухи о начавшейся войне СССР с другими странами, которая приведёт к свержению советской власти. По данным политических донесений местного руководства крестьяне, рассуждая об этих событиях, надеялись на то, что война приведёт к смене власти в стране, и это избавит их от колхозной системы. Вот лишь некоторые из подобных откликов крестьян: «на СССР наступают пять держав, которые хотят установить советскую власть без коммунистов», «скорей бы была война, говорят, что против власти хотят выступить Турция и Англия с Польшей», «круглый год работаешь как вол, что заработаешь, то и отдашь, а сам и семья голодаешь. Так дальше жить невозможно. Ходят слухи, что на востоке с Китаем война началась, возможно, намного легче будет, а может и совсем избавят от этих паразитов» [26].

В среде крестьян также были разговоры о том, что скоро начнётся восстание, после которого положение крестьян изменится. В беседах крестьяне говорили: «терпите, ребята, до весны, весной всё равно что-нибудь будет, до весны как-нибудь проживём, а там народ не потерпит такого издевательства», «коллектив и власть существуют только до весны, подойдёт весна, она все покажет, все разлетится в разные стороны», «всё отобрали, в коллектив не принимают, хоть пропадай, одна только надежда на весну» [27]. В информационных сводках отмечалось, что кулаки способствуют возникновению слухов о грядущих весной переменах, как распространяя слухи об этом, так и угрожая к весне наказать местных руководителей и активистов, которые проводили коллективизацию. В информационной сводке от Красноярского окружного комитета ВКП (б), которая была направлена прокурору, упоминалось о том, что бедняки и батраки выселяются из кулацких домов, крестьяне выходят из колхозов под влиянием угроз кулаков» [28].

Пассивный протест сельских жителей против аграрной политики нашёл своё выражение в неподчинении распоряжениям местного руководства, невыходе на работу в колхоз, работе «спустя рукава». Вот лишь некоторые наиболее типичные высказывания крестьян, которые зафиксированы в информационных сводках местных партийных организаций, указывающие на наличие таких форм: «Никак не могу дожидаться, когда наступит конец этой власти. И если в ближайшее время не будет переворота, то придётся превратиться в советского лодыря, или вернее поразмотать всю скотину и лишние тряпки, а то коммунисты вконец разорят своими налогами» [29]. Информационные сводки окружных комитетов ВКП (б) о ходе колхозного строительства в регионе отмечали, что «в со-

зданных колхозах имеются случаи разгильдяйства, лентяйничества, массового отказа колхозников от какой бы то ни было работы под разными предлогами» [30]. Данные примеры иллюстрируют ещё одну новую тенденцию, связанную с разрушением традиционной трудовой этики крестьян. Работа в колхозах, не дающая полноценного материального вознаграждения за труд, воспринималась крестьянами как принуждение. Отсутствие материальных стимулов в труде порождало недобросовестное отношение к работе в коллективных хозяйствах.

Выводы. В 1920–1930-е гг. в СССР происходила трансформация массового политического крестьянского сознания. Значительное воздействие на эти процессы оказывала советская пропаганда, в результате отдельные фрагменты новой коммунистической идеологии вплетались в консервативное мировоззрение крестьян, соединяясь с религиозными взглядами, политическими мифами и идеями социальной справедливости. Не меньшее влияние на эти процессы имела и государственная аграрная политика, содержание которой никак не учитывало интересы крестьян, а наоборот резко ухудшало условия их жизни и труда.

Материалы фондов окружных комитетов ВКП (б) Сибирского края зафиксировали негативное восприятие значительной частью крестьян аграрной политики периода коллективизации, которое нашло выражение в активных и пассивных формах протеста. Активными формами протеста были антиправительственные митинги, восстания, создание вооружённых банд для борьбы с коммунистами. Пассивный протест выражался в отказе от выполнения поручений руководства под различными предлогами, недобросовестная работа в колхозах. Документы свидетельствуют, что причинами негативного восприятия крестьянами колхозного строя были: принудительный характер коллективизации, неэффективная организация труда в колхозах, неудовлетворённость размером и формой вознаграждения за труд, резкое снижение уровня жизни сельского населения, жёсткая регламентация хозяйственной деятельности в коллективных хозяйствах.

Для политических настроений сельского населения Приенисейского региона было характерно дифференцированное отношение к местному и высшему руководству страны, персонификация власти. Зачастую именно местные руководители становились объектом критики в процессе реализации аграрной политики, при этом наблюдалась тенденция идеализации высшего партийного руководства. Именно к руководителям страны обращались крестьяне в своих письмах с жалобами на трудности и жизненные проблемы, надеясь найти правду и справедливость. Но стоит отметить, что отношение крестьян к высшему партийному руководству было неоднозначным, в то время как одна часть сельских жителей демонстрировала уважение и доверие к высшим должностным лицам страны, другая часть негативно оценивала деятельность всей советской власти в целом, отождествляя её с царским гнетом и репрессивно-карательной политикой белого движения.

*Литература**References*

1. Станевич А.Ю. Политическое настроение: генезис и характеристика // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2017. – Вып. 4 (788). – С. 235–246.
2. Кузнецов И.С. На пути к «Великому перелому». Люди и нравы сибирской деревни 1920-х гг. : (Психоист. очерки). – Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2001. – С. 138.
3. ГАКК. Ф. П-96. Оп. 1. Д. 814. Л. 72.
4. Сталин И.В. Головокружение от успехов : К вопросам колхозного движения : Прил.: I. Постановление ЦК ВКП (б) о борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении. II. Примерный устав сельскохозяйственной артели. – М. ; Л. : Гос. изд-во, 1930. – 16 с.
5. ГАКК. Ф. П-59. Оп. 1. Д. 745. Л. 217.
6. Ильиних В.А. Тенденции и этапы процесса раскрестьянивания в Сибири в советский период (к постановке вопроса) // Гуманитарные науки в Сибири. – 1998. – № 2. – С. 42–48.
7. ГАКК. Ф. П-10. Оп. 1. Д. 652. Л. 127.
8. ГАКК. Ф. П-96. Оп. 1. Д. 814. Л. 112.
9. ГАКК. Ф. П-96. Оп. 1. Д. 712. Л. 108.
10. ГАКК. Ф. П-96. Оп. 1. Д. 814. Л. 298.
11. ГАКК. Ф. П-59. Оп. 1. Д. 745. Л. 302.
12. ГАКК. Ф. П-10. Оп. 1. Д. 707. Л. 5; . Ф. П-59. Оп. 1. Д. 745. Л. 21; Ф. П-96. Оп. 1. Д. 814. Л. 199, 214, 245.
13. ГАКК. Ф. П-96. Оп. 1. Д. 814. Л. 72.
14. ГАКК. Ф. П-10. Оп. 1. Д. 638. Л. 13.
15. ГАКК. Ф. П-96. Оп. 1. Д. 808. Л. 51.
16. ГАКК. Ф. П-10. Оп. 1. Д. 637. Л. 52.
17. ГАКК. Ф. П-96. Оп. 1. Д. 814. Л. 24.
18. ГАКК. Ф. П-10. Оп. 1. Д. 652. Л. 23.
19. ГАКК. Ф. П-59. Оп. 1. Д. 761. Л. 123, 124; Ф. П-10. Оп. 1. Д. 604. Л. 105.
20. ГАКК. Ф. П-10. Оп. 1. Д. 588. Л. 129-132.
21. ГАКК. Ф. 59. Оп. 1. Д. 745. Л. 26; Д. 746. Л. 72; Д. 747. Л. 96; Ф. 96. Оп. 1, Д. 808. Л. 51.
22. ГАКК. Ф. П-10. Оп. 1. Д. 707. Л. 4; Ф. П-59. Оп. 1. Д. 759. Л. 147; Ф. П-59. Оп. 1. Д. 746. Л. 200.
23. ГАКК. Ф. П-96. Оп. 1. Д. 814. Л. 117, 133.
24. ГАКК. Ф. П-96. Оп. 1. Д. 814. Л. 91; Ф. П-59. Оп. 1. Д. 736. Л. 15; Ф. П-60. Оп. 1. Д. 833 Л. 171.
25. ГАКК. Ф. П-59. Оп. 1. Д. 759. Л. 145, 146.
26. ГАКК. Ф. П-96. Оп. 1. Д. 814. Л. 91, 272; Ф. П-10. Оп. 1. Д. 645. Л. 10.
27. ГАКК. Ф. П-96. Оп. 1. Д. 814. Л. 72, 187.
28. ГАКК. Ф. П-10. Оп. 1. Д. 588. Л. 191, 194.
29. ГАКК. Ф. П-10. Оп. 1. Д. 645. Л. 6.
30. ГАКК. Ф. П-96. Оп. 1. Д. 817. Л. 42.
1. Stanevich A.Y. Political mood: genesis and characteristics // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. – Social Sciences. – 2017. – Issue 4 (788). – P. 235–246.
2. Kuznetsov I.S. On the way to the "Great Turning Point". People and customs of the Siberian village of the 1920s : (Psychoist. essays). – Novosibirsk : Novosibirsk State University, 2001. – p. 138.
3. GAKK. F. P-96. Op. 1. D. 814. L. 72.
4. Stalin I.V. "Dizziness from Success: On the Issues of the Collective Farm Movement". Appendix: I. Resolution of the Central Committee of the Communist Party (B) on Combating Distortions of Party Line in the Collective Farm Movement. II. Approximate Charter of an Agricultural Artel. Moscow ; Leningrad: State Publishing House, 1930. – p. 16.
5. GAKK. F. P-59. Op. 1. D. 745. L. 217.
6. Il'yikh V.A. Trends and stages of the process of peasant farming in Siberia during the Soviet period (to raise the question) // Humanities in Siberia. 1998. No. 2. pp.42-48.
7. GAKK. F. P-10. Op. 1. D. 652. L. 127.
8. GAKK. F. P-10. Op. 1. D. 652. L. 127.
9. GAKK. F. P-96. Op. 1. D. 814. L. 112.
10. GAKK. F. P-96. Op. 1. D. 712. L. 108.
11. GAKK. F. P-96. Op. 1. D. 814. L. 298.
12. GAKK. F. P-59. Op. 1. D. 745. L. 302.
13. GAKK. F. P-10. Op. 1. D. 707. L. 5; . F. P-59. Op. 1. D. 745. L. 21; F. P-96. Op. 1. D. 814. L. 199, 214, 245.
14. GAKK. F. P-96. Op. 1. D. 814. L. 72.
15. GAKK. F. P-10. Op. 1. D. 638. L. 13.
16. GAKK. F. P-96. Op. 1. D. 808. L. 51.
17. GAKK. F. P-10. Op. 1. D. 637. L. 52.
18. GAKK. F. P-96. Op. 1. D. 814. L. 24.
19. GAKK. F. P-10. Op. 1. D. 652. L. 23.
20. GAKK. F. P-59. Op. 1. D. 761. L. 123, 124; F. P-10. Op. 1. D. 604. L. 105.
21. GAKK. F. P-10. Op. 1. D. 588. L. 129-132.
22. GAKK. F. 59. Op. 1. D. 745. L. 26; D. 746. L. 72; D. 747. L. 96; F. 96. Op. 1, D. 808. L. 51.
23. GAKK. F. P-10. Op. 1. D. 707. L. 4; F. P-59. Op. 1. D. 759. L. 147; F. P-59. Op. 1. D. 746. L. 200.
24. GAKK. F. P-96. Op. 1. D. 814. L. 117, 133.
25. GAKK. F. P-96. Op. 1. D. 814. L. 91; F. P-59. Op. 1. D. 736. L. 15; F. P-60. Op. 1. D. 833 L. 171.
26. GAKK. F. P-59. Op. 1. D. 759. L. 145, 146.
27. GAKK. F. P-96. Op. 1. D. 814. L. 91, 272; F. P-10. Op. 1. D. 645. L. 10.
28. GAKK. F. P-96. Op. 1. D. 814. L. 72, 187.
29. GAKK. F. P-10. Op. 1. D. 588. L. 191, 194.
30. GAKK. F. P-10. Op. 1. D. 645. L. 6.
30. GAKK. F. P-96. Op. 1. D. 817. L. 42.